

Йоханнес Шерр

Всеобщая история литературы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3

Йоханнес Шерр

Всеобщая история литературы / Йоханнес Шерр – М.: Книга по Требованию, 2021. – 716 с.

ISBN 978-5-518-08395-0

ISBN 978-5-518-08395-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

ВОСТОКЪ:

1. КИТАЙ;
2. ИНДІЯ;
3. ЕВРЕЙСКАЯ ЗЕМЛЯ (ПАЛЕСТИНА);
4. АРАВІЯ;
5. ПЕРСІЯ;
6. ТУРЦІЯ.

АНТИЧНЫЙ МІРЪ:

ГРЕЦІЯ и РИМЪ.

ВВЕДЕНИЕ.

Слово литература греко-римскаго происхожденія (*λίω, linea, litera*) и первоначально употреблялось въ смыслѣ письменнаго выраженія мыслей и фактовъ. Искать у древнихъ современнаго значенія этого слова было-бы напрасно. У римлянъ *literatura* выражала греческое *γραμματική*, и литераторъ былъ въ ихъ понятіяхъ грамматикъ, котораго занятія не ограничивались впрочемъ одной грамматикой, но состояли также и въ объясненіи поэтическихъ произведеній. Въ болѣе ограниченномъ смыслѣ средніе вѣка понимали подъ *ars litteraria*—грамматику, такъ какъ собственно литературныя знанія отнесены были въ область риторики. Наше понятіе о литературѣ установилось только въ новѣйшее время, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилось и значеніе исторіи литературы.

Вслѣдствіе этого понятія, мы подъ литературой въ обширномъ смыслѣ понимаемъ теперь совокупность произведеній человѣческаго духа, выраженныхъ въ матеріальномъ образѣ, посредствомъ слова, письма или печати, каковы бы ни были ихъ отличія въ содержаніи и внѣшней формѣ. Всеобщая исторія литературы въ обширнѣйшемъ смыслѣ имѣетъ своей задачей внести порядокъ и систему въ громадную массу произведеній человѣческаго духа, подходящихъ подъ данное опредѣленіе литературы. Ясно, что не только одной, но и десяти человѣческихъ жизней не достанетъ, чтобы написать такую всеобщую исторію литературы, которая бы дѣйствительно стоила названія исторіи, тѣмъ болѣе, что такая литературная исторія должна быть вмѣстѣ и исторіей образованія, т. е. ввести въ кругъ своего изслѣдованія все, что способствовало человѣчеству подняться отъ первоначальной природной дикости на высоту матеріальнаго и духовнаго благосостоянія, нравственнаго и общественнаго совершенства. Изъ общаго понятія литературы выдѣляется понятіе литературы частной, вслѣдствіе котораго возможна литературная исторія отдѣльныхъ наукъ и искусствъ. Изъ него выходитъ и понятіе народной литературы; подъ нею мы разумѣемъ всѣ тѣ произведенія слова, письма и печати, которыя по своему содержанію и формѣ всѣмъ извѣстны, знакомы или по крайней мѣрѣ доступны,—слѣдовательно, главнымъ образомъ, созданія художественной письменности, произведенія поэзии и поэтиче-

ской прозы, которыя, кромѣ различія по языку, отличаются своимъ народнымъ духомъ и строемъ отъ подобныхъ же литературныхъ произведеній другихъ народовъ. Конечно, такое понятіе о народной литературѣ не всегда можно провести и строго выдержать, потому что въ новѣйшей искусственной поэзіи національныя краски часто смѣшаны, затерты и перекрещены другъ съ другомъ.

Наука литературной исторіи началась не сегодня и не вчера. Ея начала можно отыскать въ древнемъ мірѣ; въ сочиненіяхъ грековъ—Страбона, Павзанія, Атеней, Филострата, Діогена Лаэртскаго, Діонисія Галикарнасскаго, и римлянъ—Варрона, Цицерона, Плинія, Квинтиліана, Геллія, Светонія находятся болѣе или менѣе ясныя черты литературно-исторической дѣятельности. Но настоящее значеніе литературной исторіи почувствовалось только въ послѣднее время, когда было сознано, что знаніе литературы есть ключъ ко всякому историческому знанію. Скажемъ болѣе: исторія литературы есть сама идеальная исторія человѣчества, потому что литературы разныхъ народовъ представляютъ высшій цвѣтъ ихъ существа, лучшій и прекраснѣйшій плодъ ихъ внутренней образовательной работы. До такого высокаго, но справедливаго пониманія литературной исторіи дошли преимущественно въ Германіи, потому что нѣмцы больше всѣхъ другихъ народовъ обладаютъ всемірною воспримчивостью, способностью слышать и понимать міровой говоръ поэзіи, т. е. цѣнить, уважать и чувствовать всѣ откровенія духа и сердца, въ какихъ-бы звукахъ они ни звучали, родныхъ или чужихъ, старыхъ или новыхъ. Такъ, по слѣдамъ такихъ ученыхъ, какъ Ламбекъ, Моргофъ, Фабрицій, Штоль, Бертрамъ, Юхеръ, Мейзель, Юрденсъ, Вальдъ, Бужине и Бланкенбургъ, всеобщая исторія литературы была основана Готфридомъ Эйхгорномъ, Людвигомъ Вахлеромъ и Фридрихомъ Бутервекомъ, послѣ того какъ Лессингъ, Гердеръ и Гете обогатили ее частными приношеніями. Но только трудами романтической школы, въ особенности Августа Вильгельма Шлегеля, Фридриха Шлегеля и Людвига Тика, исторія всеобщей литературы въ Германіи поставлена была на болѣе широкое и прочное основаніе, прониклась философскимъ духомъ и стала обрабатываться въ историческомъ направленіи. Точки зрѣнія были конечно не одинаковы, и уже Фридрихъ Шлегель смотрѣлъ, или только хотѣлъ увѣрить, что смотритъ, на древнюю и новую литературы сквозь очки средневѣковаго католицизма. Съ тѣхъ поръ, послѣ обширныхъ трудовъ филологическихъ и изслѣдованій по исторіи образованія и литературы, сдѣлалось, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, возможнымъ написать всеобщую литературную исторію. Въ самыхъ широкихъ размѣрахъ предпринялъ это Г. Θ. Грессе (*Lehrbuch einer allg. Literaturgeschichte*, 1837 г. и слѣд.; *Handbuch der allg. Literaturgeschichte*, 1844 и слѣд.), впрочемъ скорѣе съ точки зрѣнія библіографа, чѣмъ исто-

рика. Въ болѣе узкихъ границахъ—Т. Мундтъ (Allg. Literaturgeschichte, 1846), К. Розенкранцъ (Handbuch einer allg. Geschichte der Poesie, 1832; die Poesie und ihre Geschichte, 1855) и К. Фортлаге (Vorles. über die Geschichte der Poesie, 1839). Я самъ издалъ собраніе образцовъ поэтической литературы всѣхъ временъ и народовъ (Bildersaal der Weltliteratur, 1848), такое полное и разнообразное, какое могло дать только нѣмецкое искусство перевода, тотъ всеобъемлющій даръ пониманія и передачи, который собираетъ у нѣмецкаго очага народные голоса со всей земли для «міроваго разговора» ¹⁾).

Настоящая книга есть также опытъ «всеобщей исторіи литературы», но въ предѣлахъ литературы собственно національной, которой значеніе мы опредѣлили выше. Заглавіе книги оправдывается тѣмъ, что она будетъ заниматься народно-литературнымъ развитіемъ всѣхъ народовъ земнаго шара, которые имѣли или имѣютъ не только одни изустно сохраненныя пѣсни, преданія и сказки, какъ у дикихъ и полудикихъ племенъ, и не одни только литературные отрывки, какъ у древнихъ египтянъ и ацтековъ, но имѣютъ дѣйствительную литературную исторію. Слово «всеобщая» въ заглавіи книги должно поэтому принимать въ географическомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ содержанія, такъ какъ цѣль и задача этого труда сами собой исключали всю литературу философіи, богословія, законовѣдѣнія, медицины, географіи, этнографіи, педагогіи, и наукъ государственныхъ, математическихъ и естественныхъ. Напротивъ, мнѣ казалось необходимымъ, съ обзорѣніемъ поэтической литературы соединить историческую, потому что исторіографія, какъ искусство, возбуждаетъ не одни научныя, но и чисто эстетическіе интересы, и въ наше время болѣе и болѣе становится необходимымъ элементомъ народной литературы.

Великое зрѣлище открывается передъ нашими глазами и намъ предстоитъ далекій путь. Одинъ конецъ его восходитъ къ сѣдой древности, а другимъ онъ доходитъ до насъ. Наше вниманіе привлечетъ прежде всего Востокъ, древняя колыбель человѣка. Въ Китаѣ мы увидимъ литературныя вліянія культуры, преимущественно практической, разсчитанной, немного разбавленной сентиментальностью, застывшей въ жеманномъ, на наши глаза, формализмѣ. Въ Индіи насъ охва-

1) Es ist mein Volk, das grosse,
Das sendet täglich aus
Die Söhn' aus seinem Schosse,
Zu führen in sein Haus
Die Völker aller Zungen,
Und wunderbar erklingen
Ist da ein Weltgespräch beim Schmaus.

(Это мой великій народъ каждый день высылаетъ изъ своего лона сыновъ своихъ, чтобы привести въ домъ свой народы всѣхъ нарѣчій, и чудно зазвучалъ тамъ на ирешствѣ всемірный разговоръ). Рюкертъ.

титъ полусвѣтъ, душная волшебная атмосфера. «Нѣжное существо», фантазія одѣлась тамъ въ тѣло великана, котораго мозгъ рождаетъ самыя чудовищныя образы, на устахъ вертятся самыя невѣроятныя сказки, звучать нѣжныя пѣсни, а въ таинственной глубинѣ глазъ лежитъ страшный фанатическій мистицизмъ, который бросается изъ одной крайности въ другую, изъ сладострастныхъ оргій въ оргіи самоистязанія. Если индѣйская фантазія дробится на тысячи образовъ, разстилается въ безконечномъ и неосяземомъ, то еврейская, напротивъ, идетъ съ упрямой послѣдовательностью къ одной цѣли, къ созданію одного національнаго божества, которому она поклоняется, съ которымъ находится въ бессознательной оппозиціи, и которое противоплагается природѣ, какъ чисто духовное существо, какъ свободная божественная личность. Другое дѣло въ Аравіи: ея первобытная поэзія свободна отъ всякой теологической примѣси, величественно и просто отражаетъ въ себѣ юношескую жизнь воинственнаго народа; позднѣе могаммеданство дало ей удивительную разносторонность и движеніе, хотъ и ослабило ея первобытную силу. Въ персидской литературѣ одиночныя лучи восточной фантазіи и восточнаго образованія сошлись будто въ фокусѣ. Сущность персидскаго эпоса основана на религіозномъ дуализмѣ, который находится въ такой яркой противоположности съ еврейскимъ единобожіемъ; въ персидской дидактикѣ восточная мудрость отлилась въ простыя изреченія житейской философіи, въ персидской лирикѣ человѣческая мысль углубляется въ запутанныя ходы мистическаго созерцанія, или же пускается въ полную смѣху борьбу съ богословскою отвлеченностью. О турецкой литературѣ можно сказать только одно, что она вторитъ арабской и персидской съ лишеннымъ самобытности эклектизмомъ. Необузданной игрѣ фантазіи, этой основной чертѣ восточной литературы вообще, Греція противопоставляетъ красоту, законы которой опредѣляютъ всю ея литературную и художественную дѣятельность. Высокая, благородная человѣчность составляетъ отличіе греческаго идеала, который сознательно-свободно проявляется во всѣхъ родахъ греческой поэзіи. Отъ дѣтски-наивнаго эпоса Греція переходитъ къ лирикѣ, полной юношескою свѣжестью, и потомъ къ художнически законченной драмѣ, въ которой какъ будто выражались созрѣвшія силы норы мужества, а съ этимъ вмѣстѣ художественно создаются и просвѣтляются ея философія, ея краснорѣчіе, исторія, религія и всѣ области ея жизни. Характеръ римской литературы былъ подражательный, потому что назначеніе римлянъ и ихъ внутреннее сознаніе были направлены въ другую сторону: они выразились въ ихъ военной и государственной дѣятельности. На развалинахъ древняго міра, котораго старческая дряхлость была нравственно сокрушена христіанствомъ и матеріально разбита переселеніемъ народовъ, поднялось христіанское вѣ-

роученіе и христіанская міеологія, какъ основы новой литературы, въ обширномъ смыслѣ слова. Романтизмъ, это порожденіе христіанской міеологіи, сдѣлался музой средневѣковой поэзіи и воцарился прежде всего во Франціи. Отсюда его внушеніямъ повиновались литературы всѣхъ народовъ западной и южной Европы. Всего менѣе этого безусловнаго подчиненія представляла литература Италіи, потому что здѣсь явилось протѣвостѣіе въ обновленномъ знакомствѣ съ классической древностью, что впрочемъ не совсѣмъ счастливо подѣйствовало на развитіе итальянской поэзіи: классическія воспоминанія съ самаго начала дали ей ученую наружность и лишили національнаго колорита. Всего чище, разнообразнѣе и народнѣе развилась романтическая поэзія на Пиренейскомъ полуостровѣ. Испанская литература, развиваясь изъ народнаго эпоса романсовъ въ искусственную лирику, и изъ нея въ релігіозную драму, можетъ похвалиться, что она самая національная изъ всѣхъ новѣйшихъ литературъ. Только англійская своимъ органическимъ развитіемъ можетъ соперничать съ испанской: она также на основахъ народной поэзіи основала торжество искусственной поэзіи, богатую и національную драму. Средневѣковая романтическая поэзія Германіи отличается отъ всѣхъ другихъ какой-то задушевной глубиной, и эту черту свою она умѣла внести не только въ заимствованное извнѣ романтическое содержаніе, но и въ свою собственную древнюю геронческую сагу, которой первобытная чистота должна была сильно потерпѣть отъ романтической передѣлки. Подобно Франціи и Италіи, Германія страдаетъ недостаткомъ національнаго театра; пора его развитія изъ средневѣковыхъ релігіозныхъ элементовъ пришла на то время, когда смѣтенія реформации и ужасы тридцатилѣтней войны грозили нѣмецкой народности въ самыхъ ея основаніяхъ. Петрунутая романтическииъ вліаніемъ, поэзія Сѣвера развила исполненскую фантазію, напоминающую о древней Индіи; только тамъ все мягко, задушевано, сплылось—здѣсь все грубо и угловато. Старо-славянская народная поэзія, подобно скандинавской, выросла свободная отъ романтизма и отличается преимущественно историческимъ колоритомъ; новыя славянскія литературы, какъ и вся современная славянская культура, составляютъ, напротивъ, чисто результатъ воспринятія западно-европейскаго образованія.

Уже въ средніе вѣка существовало сознаніе связи европейскихъ народовъ между собою, сознаніе о европейской народной семьѣ. Идея панства и всемірнаго владычества священной римской имперіи нѣмецкаго народа питала это сознаніе, которое на время осуществили крестовые походы. Всѣмъ извѣстно, что эти походы имѣли и большое литературное значеніе, потому что существенно помогли распространенію южнаго романтизма на сѣверъ и востокъ Европы. Гораздо прочнѣе этихъ средневѣковыхъ, связующихъ мотивовъ была та связь и

взаимодѣйствіе европейскихъ литературъ, которыя впервые открылись съ 16-го столѣтія, подѣ вліяніемъ возродившагося изученія классической древности, и духа скептицизма и критики, начинавшихъ тогда свою громадную преобразовательную дѣятельность. Преданія древняго міра, сокровища греческой и римской литературъ становились болѣе и болѣе общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей. Кто отдавался ему съ большею ревностью и умѣлъ искуснѣе воспользоваться имъ, тому доставалось литературное первенство въ Европѣ. Такъ, въ 16-мъ столѣтіи оно выпало на долю нѣмецкимъ гуманистамъ и реформаторамъ, въ 17-мъ—итальянскимъ и испанскимъ, въ 18-мъ—французскимъ, а въ 19-мъ первую роль играли и играютъ англійская и опять нѣмецкая литературы. На границѣ 17 и 18 вѣка, Франція, опираясь на примѣръ Италіи, представила «классическіе» образцы ученой придворной поэзіи, какъ въ послѣдствіи своей революціонной и скептической литературой она ознаменовала освобожденіе умовъ отъ церковнаго и политическаго догмата. За тѣмъ наступила очередь Англій оплодотворить свѣжими началами своей древней и новой поэзіи, въ особенности поэзіей Шекспира, нѣмецкую классическую литературу, и отъ нея-то, и вмѣстѣ отъ послѣдовавшей за ней новой романтической школы разсыпались во всѣ стороны лучи свѣта и тепла. Псевдоклассицизмъ рушился во Франціи, Италіи, Испаніи, и эти народы, а за ними жители Скандинавіи и славяне, мадьяры, новогреки, и во главѣ всѣхъ, съ самымъ блестящимъ успѣхомъ, англичане, обратились къ народнымъ воззрѣніямъ новоромантизма, какъ къ живому источнику литературы. Къ этимъ обновленнымъ романтическимъ мотивамъ присоединились, особенно во Франціи, мотивы новаго рода, и собственно нашего времени, которые называютъ социалистскими, потому что они обратились къ критикѣ общественнаго устройства. Слѣды этого социализма, занесеннаго изъ Франціи, можно встрѣтить въ любой европейской литературѣ послѣдняго времени. Впрочемъ, бурный періодъ и крайности этого направленія, сложившагося изъ вертерства и чайльдъ-гарольдства, теперь уже прошелъ. Благодаря созданіямъ подобнымъ «Герману и Доротеѣ» Гете, «Валленштейну» и «Теллю» Шиллера, «Германновой битвѣ» Гейнриха Клейста и «Военной лирикѣ» Кернера, въ нѣмецкой литературѣ наступилъ уже переходъ отъ космополитизма къ народному направленію. Съ тѣхъ поръ какъ въ юной Германіи прошли французскіе вкусы, какъ вообще проходятъ французскія моды, стало выясняться сознаніе, что идея отечества должна быть душой всякаго образовательнаго развитія, и потому основой всякой литературы. Въ этой истинѣ, которая, будучи вѣрно понята и направлена, нисколько не противорѣчитъ нѣмецкой универсальности, лежитъ надежда на будущее единство, могущество и величіе нѣмецкаго народа.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВОСТОКЪ.

На сколько удалось филологическому и историческому изслѣдованію разогнать мракъ, покрывающій начала исторіи человѣчества, на столько можно принять за положительный фактъ, что масса земель, лежащая въ восточномъ полушаріи между долинами Нила и Ганга, была колыбелью древнѣйшей образованности. Еще не скоро рѣшится давнишій спорный вопросъ о томъ, — гдѣ именно началась человѣческая культура, въ низменностяхъ ли Желтой рѣки, въ черноземной ли области Пта, или возлѣ истоковъ Инда и Окса. Можетъ быть, этотъ вопросъ и никогда не разрѣшится окончательно, какъ тождественный съ нимъ вопросъ о томъ, произошелъ ли человѣческій родъ отъ одной пары или отъ нѣсколькихъ. Во всякомъ случаѣ, вѣроятнѣе всего, что культуры китайцевъ и египтянъ, арійцевъ (индовъ и иранцевъ) и семитовъ начали развиваться, если не современно другъ другу, то въ небольшихъ промежуткахъ времени и независимо одна отъ другой, и культуры этихъ народовъ несомнѣнно древнѣе всѣхъ прочихъ.

И такъ, если кто захочетъ рассказать исторію духовныхъ дѣяній, человѣчества, взоръ его долженъ прежде всего обратиться къ Востоку. Тамъ должно искать родниковъ, изъ которыхъ разлились по землѣ потоки націй; тамъ религіозная мысль впервые вывела человѣка изъ животнаго состоянія, и онъ поднялъ глаза къ небу, не разгадають ли ему блестящія свѣтила загадки его бытія? Тамъ впервые кочевой номадъ и охотникъ обратился въ осѣдлаго нахаря и на началахъ этого быта заложили первые основы общественныхъ и государственныхъ стремленій, культура, науки и искусства. Тамъ же, поэтому, гдѣ положено было основаніе всѣхъ матеріальныхъ, идеальныхъ и нравственныхъ стремленій человѣчества, и фантазія явила впервые свое творчество, чтобъ освѣтить чудеса природы и глубину челоѣческаго сердца, чтобъ идею религіи развить въ мифологическіе образы, а образы прошлаго въ сагу. Поэтому тѣхъ путей, которыми шествовалъ челоѣческій геній въ древнія времена, должно искать въ литературѣ вос-

точныхъ народовъ. И эти пути найдутся въ ней, потому что Востокъ уже пересталъ быть для насъ тайной. Мы не будемъ говорить о прежнихъ попыткахъ сорвать завѣсу съ этой тайны. Съ той поры, какъ въ прошломъ столѣтїи появилось шесть книгъ Коментаріевъ на азіатскую поэзію (*Poeseos asiaticae commentar. libr. VI, 1777*) знаменитаго англійскаго ученаго Джонса, исполнились на дѣлѣ слова поэта: «свѣтло становится на далекомъ Востокѣ, старыя времена становятся юными». Трудолюбіемъ англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ ученыхъ на почвѣ языкознанія, археологіи, въ переводахъ и объясненіяхъ литературнымъ сокровища Востока удачно приближены нашему пониманію ⁴⁾.

Вся литература Востока носить на себѣ поэтическій отпечатокъ, потому что фантазія составляетъ отличительную черту всей его духовной дѣятельности. Это не значитъ, чтобы литературѣ Востока недоставало ума, чувства, остроумія, но фантазія есть преобладающій мотивъ въ поэзи и мышленіи восточныхъ народовъ, за исключеніемъ китайцевъ. Это-то преобладаніе фантазіи не дало Востоку дойти до художественнаго равновѣсія формъ, до стройной опредѣленности; его идеалу не достааетъ пластическаго покоя, онъ не дошелъ еще до сознанія, что самая чистая красота лежитъ въ предѣлахъ человѣческихъ формъ. Безконечно-волнующіеся, тѣснящіе другъ друга призраки, картины безъ тѣней и перспективы, образы, расходящіеся въ туманное и ужасное, вмѣсто жизни и живаго факта—символизмъ и аллегорія, мысль, затемненная въ мистическое созерцаніе, идеаль, сведенный къ грубой чувственности и утонченному наслажденію, шумныя оргіи свирѣпости и сладострастья, и, среди возвышенныхъ пророческихъ голосовъ, изрѣченія глубокой мудрости, задушевные звуки сердца—такова восточная поэзія. Въ остальномъ, сколько можно судить, она вездѣ, гдѣ развивалась самобытно, слѣдовала общимъ законамъ развитія литературнаго творчества, по которымъ поэтическое выраженіе предшествовало прозаическому, народная поэзія прокладывала дорогу искусственной, а въ той послѣдней сначала слагалась и утверждалась эпико-лирическая форма, потомъ строго эпическая, затѣмъ чисто лирическая и наконецъ драматическая. Что касается до драмы, то слѣдуетъ тотчасъ же сдѣлать оговорку, что лучшіе опыты этого рода въ восточной поэзи, принадлежащіе Индіи, не удовлетворяютъ требованіямъ драмы. Сущность ея характера заключается въ свободномъ самоопредѣленіи личности, а до такого самоопредѣленія

⁴⁾ Германія болѣе другихъ странъ богата переводами произведеній восточной поэзи. Обширное собраніе этихъ переводовъ, составленное съ большимъ знаніемъ и вкусомъ, можно указать въ книгѣ Головича: *Polyglotte der orientalischen Poesie. In metrischen Uebersetzungen deutscher Dichter. Mit Einleitungen und Anmerkungen von H. Jolowicz. 1853.*